

Научная статья

УДК 34.01

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/073-083>

EDN: <https://elibrary.ru/TIZGXF>

Место коллизионных норм международного частного права в системе российского права

Литвинова Светлана Федоровна

Владивостокский государственный университет
Владивосток. Россия

***Аннотация.** В российской доктрине международного частного права (МЧП) не утихают споры о его месте в системе права, предмете, методах правового регулирования, формах внешнего выражения правовых норм, месте коллизионных норм в системе нормативных правовых предписаний и т.п. Представляется, что споры возникают на основе методологически неправильного определения природы коллизионных норм, которые составляют основной элемент МЧП. Целью статьи является: определение отраслевой принадлежности коллизионных норм и их места в системе нормативных правовых предписаний на основе авторской интерпретации их природы. Исследование проводилось общенаучными, частно-научными, в том числе специально-юридическими, методами. Природа коллизионных норм МЧП определялась на основании установления достаточных условий, причины их возникновения, а также на основании их взаимодействия с таким явлением, как суверенитет. Появление и укоренение понятия «государственный суверенитет» и утверждение принципа суверенного равенства государств в международных отношениях являются триггерными условиями возникновения внутригосударственных коллизионных норм МЧП. Они в свою очередь являются инструментом добровольного ограничения суверенного права государства регулировать общественные отношения на своей территории в пользу иностранного права, тем самым разрешая коллизии права разных государств. На основании такого понимания природы коллизионных норм сделан вывод о том, что коллизионные нормы МЧП являются частью внутригосударственного, публичного, конституционного права. При определении места коллизионных норм в системе правовых норм сделан вывод о том, что они являются самостоятельным видом нетипичных правовых предписаний. Авторский подход претендует на формирование новой теории МЧП, что, безусловно, повлияет на правоприменительную практику, в частности на применение оговорки о публичном порядке, принятие обратной отсылки, признание решений иностранных судов и арбитражей и др.*

***Ключевые слова:** природа правового явления, природа коллизионных норм международного частного права, место коллизионных норм в системе правовых норм, конституционно-правовая природа коллизионных норм международного частного права, взаимовлияние суверенитета и коллизионных норм международного частного права.*

***Для цитирования:** Литвинова С.В. Место коллизионных норм международного частного права в системе российского права // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/073-083>. EDN: <https://elibrary.ru/TIZGXF>*

Original article

The place of conflict of laws rules of private international law in the system of Russian law

Svetlana F. Litvinova

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract. *In the Russian doctrine of private international law (MCHP), disputes about its place in the legal system, the subject, methods of legal regulation, forms of external expression of legal norms, the place of conflict-of-laws norms in the system of normative legal prescriptions, etc. do not subside. It seems that disputes arise on the basis of a methodologically incorrect definition of the nature of conflict-of-laws norms, which constitute the main element of the MCHP. The purpose of the article is to determine the industry affiliation of such conflict-of-laws norms and their place in the system of regulatory legal prescriptions based on the author's interpretation of their nature. The research was conducted using general scientific, private scientific, including special legal methods. The nature was determined on the basis of the establishment of sufficient conditions, the causes of the conflict of laws norms of the Ministry of Emergency Situations. The nature of conflict-of-laws rules was determined by their interaction with such phenomenon as sovereignty. The emergence and establishment of the concept of "state sovereignty" and the affirmation of the principle of sovereign equality of States in international relations are trigger conditions for the emergence of intra-State conflict of laws norms of the Ministry of Emergency Situations. They, in turn, are an instrument of voluntary restriction of the sovereign right of a State to regulate public relations on its territory in favor of foreign law, thereby resolving conflicts of law between different states. Based on this understanding of the nature of conflict-of-laws rules, it is concluded that the conflict-of-laws rules of the Ministry of Emergency Situations are a part of domestic, public, and constitutional law. When determining the place of conflict-of-laws rules in the system of legal norms, it is concluded that they are an independent type of atypical legal regulations. The author's approach claims to form a new theory of the Ministry of Emergency Situations, which, of course, will affect law enforcement practice, in particular, the application of a public policy clause, acceptance of a backlink, recognition of decisions of foreign courts and arbitrations, etc.*

Keywords: *the nature of the legal phenomenon; the nature of conflict-of-laws rules of private international law; the place of conflict-of-laws rules in the system of legal norms; the constitutional and legal nature of conflict-of-laws rules of private international law; the mutual influence of sovereignty and conflict-of-laws rules of private international law.*

For citation: Litvinova S.F. The place of conflict of laws rules of private international law in the system of Russian law // *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2024. Vol. 16, № 4. P. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/073-083>. EDN: <https://elibrary.ru/TIZGXF>

Введение

В современной российской доктрине международного частного права не утихают споры о его месте в системе права, предмете, методах правового регулирования, формах внешнего выражения правовых норм, месте коллизионных норм в системе нормативных правовых предписаний (НПП) и т.п. Представляется, что споры возникают на основе методологически неправильного определения природы коллизионных норм, которые составляют основной элемент международного частного права. Без определения истинной природы коллизионных норм рассмотрение их в системе правовых норм не является объективным.

В системе российского права базовые коллизионные нормы закреплены в конституционном и международном частном праве (МЧП). Примером могут являться нормы, закрепленные в ч. 4 и 5 ст. 76 Конституции Российской Федерации [1]. Они определяют применимые нормативные правовые акты в случае коллизии (противоречия) закрепленных в них правовых норм по вопросам ведения Российской Федерации и/или совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также по вопросам ведения субъектов Российской Федерации. Нормы конституционного права, как правило, имплементируются в другие отрасли права. К таким нормам относится, например, коллизионная норма, закрепленная в ч. 4 ст. 15 Конституции, согласно которой коллизия между нормами международных договоров и нормами законов России разрешается в пользу применения норм международных договоров. Эта норма имплементируется в Гражданский (п. 1 ст. 7) [2] и Семейный кодексы Российской Федерации (п. 1 ст. 6) [3].

В отношении коллизионных норм, закрепленных в Конституции, большинство ученых не оспаривают их конституционный характер, даже если они закрепляются еще и в источниках частного права. Что же касается системной принадлежности коллизионных норм, на основе которых определяется применимое право к отношениям, отягощенным иностранным элементом (далее – коллизионные нормы МЧП), то по этому вопросу споры не утихают уже более ста лет. В России такие коллизионные нормы закрепляются в нормативных правовых актах частного права (Гражданском, Семейном кодексах Российской Федерации, Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации), а также в международных договорах.

Отраслевая принадлежность и место в системе права коллизионных норм МЧП определяются их природой. В российской доктрине международного частного права природа коллизионных норм определяется их принадлежностью к той или иной правовой системе (международной, внутригосударственной, смешанной), части права (публичной или частной) или отрасли права (гражданскому, гражданскому процессуальному праву). Представляется, что это порочная логика, поскольку такой подход не объясняет ее объективную основу.

Факт закрепления коллизионных норм в источниках частного права еще не дает основания считать их нормами внутригосударственного права. Так, например, в ГК РФ в ст. 1194 закреплен институт реторсии. Закрепление его в источнике частного права не определяет его частноправовой характер. Этот институт является институтом международного публичного права. Государство в лице правительства вводит ограничения в отношении имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц в ответ на соответствующие действия другого государства, т.е. в основе реторсии лежат межгосударственные отношения, не регулируемые частным правом.

В статье 157 Семейного кодекса Российской Федерации «Заключение браков в дипломатических представительствах и консульских учреждениях» закреплены нормы международного права внешних сношений (дипломатического и консульского права).

Более того, внутригосударственные нормы, определяющие полномочия Правительства Российской Федерации, а также государственных зарубежных органов, относятся к конституционному праву.

Применение коллизионных норм при наличии частных (гражданских, семейных, трудовых) правоотношений, отягощенных иностранным элементом, при возникновении споров между субъектами таких правоотношений еще не означает, что они регулируют подобные отношения в условиях существования гражданского,

семейного (в российской правовой системе) и трудового права. Большинство авторов в российской доктрине принимают за аксиому утверждение о том, что коллизионные нормы МЧП регулируют международные частные отношения, и не пытаются обосновать объективный характер такого утверждения.

Объективный рациональный характер, существенные черты любого явления определяются его природой. Природа определяет объективную системную принадлежность коллизионных норм, а не наоборот.

На основании вышеизложенного, определяющего актуальность темы исследования, целью данной работы является определение отраслевой принадлежности коллизионных норм МЧП и их места в системе нормативных правовых предписаний на основе авторской интерпретации их природы.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- 1) определить обуславливающие природу коллизионных норм МЧП условия и причину их возникновения;
- 2) с учетом установленной природы коллизионных норм МЧП определить их отраслевую принадлежность и место в системе нормативных правовых предписаний.

Предметом исследования стали современные научные (в редких случаях учебные) работы, в которых отражаются взгляды авторов на природу коллизионных норм МЧП и их системную принадлежность.

В современной российской доктрине уже никто из современных авторов не рассматривает коллизионные нормы МЧП как институт международного права. Такая точка зрения высказывалась российскими учеными в XIX – начале XX в. Ее оценка имеет смысл только при рассмотрении эволюции взглядов на принадлежность коллизионных норм МЧП к той или иной правовой системе. Некорректно сравнивать мнения ученых, которые формировались в отсутствие коллизионного права, исходя из реальностей общества столетней давности, с мнением современных представителей науки.

Большинство российских авторов рассматривают коллизионные нормы МЧП как часть внутригосударственного права. Тем не менее есть авторы, которые не согласны с этой преобладающей точкой зрения. Например, И.М. Солиев утверждает, что коллизионное право «выходит за пределы территорий отдельных государств» [4, с. 41]. При этом он не указывает, частью какой правовой системы оно является и формирует ли оно третью смешанную правовую систему. Ю.А. Свиринов делает вывод о том, что «правовая природа международного частного права на современном этапе носит комплексный характер, в связи с чем невозможно включить МЧП ни в рамки внутригосударственного, ни в рамки международного публичного права. Международное частное право совершенно самостоятельное правовое образование – квазиотрасль, имеющая собственный предмет регулирования, отличный от национальных отраслей права» [5, с. 94, 95]. При этом он не уточняет контекст существования такой отрасли.

Подавляющее большинство российских авторов рассматривают коллизионные нормы МЧП как часть частного права, определяя их цивилистическую природу: Л.П. Ануфриева [6, с. 10], В.А. Белов [7, с. 262–268], Г.К. Дмитриева [8, с. 39], А.Ю. Ларин и Е.В. Голубев [9, с. 156], В.Ф. Попондопуло [10, с. 93], Р.Б. Морева [11], Е.М. Сенотрусова [12, с. 35]. Основным аргументом ученых является то, что данные нормы регулируют частные отношения. При этом они не объясняют, на основании чего они делают такой вывод. С этой доминирующей точкой зрения согласны не все. Так, В.В. Гурьянова считает, что любые «коллизионные нормы

адресованы федеральным и региональным органам государственной власти, органам местного самоуправления, их должностным лицам, а также в предусмотренных законом случаях – организациям и индивидуальным предпринимателям (например, работодателям, имеющим право принимать локальные нормативные акты) [13, с. 37]. Из этого можно сделать вывод о том, что он не относит коллизионные нормы к частному праву, поскольку они адресованы, как правило, правоприменителям, которые являются в рассматриваемом контексте субъектами публичных отношений. Р.Ю. Колобов считает, что коллизионные нормы МЧП являются как частными, так и публичными (процессуальными) [14]. Его точка зрения основана на его понимании предмета МЧП.

В отношении определения места коллизионной нормы в системе правовых норм в российской доктрине также есть господствующая точка зрения, согласно которой коллизионные нормы являются регулятивными. Они регулируют частные отношения с иностранным элементом. С ней не согласны: Е.М. Сенотрусова, называющая коллизионные нормы «специализированными» [12, с. 34]; А.В. Алешина, считающая, что коллизионные нормы имеют процессуальную природу, поскольку они адресованы в большей степени правоприменителю, а не самим участникам правоотношений [15].

Системная принадлежность коллизионных норм российскими авторами рассматривается в контексте конституционного права, МЧП и российской правовой системы в целом. Для достижения цели данной работы интерес представляют позиции авторов в отношении системной принадлежности совокупности всех видов коллизионных норм. Н.С. Латыпова и Н.В. Ямалетдинова [16, с. 64], С.И. Носов [17, с. 82] считают, что коллизионное право – это комплексный межотраслевой правовой институт. О комплексном характере коллизионного права пишет Н.А. Власенко, обращая внимание на то, что «несомненно, коллизионные нормы могут иметь «прописку» в разных отраслях права». При этом она не считает правильным относить коллизионное право к конституционному [18, с. 16].

Исследование проводилось с применением *методов*: общенаучных (анализа, синтеза, индукции, сравнения, описания, интерпретации, формальной и диалектической логики и др.), частнонаучных (исторического, системного анализа), в том числе специально-юридических (формально-юридического, догматического).

Основная часть

Системная принадлежность коллизионных норм зависит от их природы. Природа любого явления определяет его существенные черты. Как уже отмечалось выше, в российской доктрине природа международного частного права, в том числе коллизионных норм, определяется принадлежностью к той или иной правовой системе (международной, внутригосударственной, смешанной), части права (публичной или частной) или отрасли права (гражданскому, гражданскому процессуальному праву). Представляется, что это порочная логика, поскольку природа определяет системную принадлежность, а не наоборот.

Поскольку категория «природа» носит философский характер, то и ответ необходимо искать у философов. О «природе» рассуждали многие представители этой науки. На основе изучения взглядов Платона, Аристотеля, Сенеки, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Р. Декарта, Д. Локка, Б. Спинозы, Д. Юма, И.Г. Фихте, а также Э.Г. Юдина сложилось мнение о том, что природа явления определяется условиями, причиной его возникновения, которые обуславливают его объективность, рациональность и существенные черты.

Предпосылки возникновения коллизионных норм МЧП возникли тогда, когда стали развиваться отношения между людьми, имеющими правовую связь с разными субъектами, имеющими свои законы. Наука о коллизионных нормах возникла в результате распада феодального общества и появления самостоятельных городов-государств, самостоятельность которых проявлялась в том числе наличием своих законов. Ученые, которые первыми занимались вопросами коллизионных норм, предполагали, что они должны стать частью общего международного права. Но развитие общества пошло по другому пути: в общем международном праве не появилась отрасль (институт) коллизионного права, а коллизионные нормы стали закрепляться в источниках внутригосударственного права. Этому способствовало распространение понятия «суверенитет» на государства (нации) и укрепление в международных отношениях принципа суверенного равенства государств.

В самом общем смысле суверенитет предполагает независимость и самостоятельность субъектов права в международных и внутренних делах. В Вестфальском договоре 1648 г. впервые было сформировано понятие суверенитета государства как «права на территорию и верховенство» [19]. Признание принципа «суверенности национальных государств» закрепило за государствами равенство их прав. Вестфальский принцип эволюционировал в современное международное право. В Уставе ООН закреплён принцип суверенного равенства государств. Его понимание раскрывается в Декларации о принципах международного права 1970 г., в которой зафиксировано, что все государства имеют одинаковые права и обязанности и являются равноправными членами международного сообщества независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера. Одним из проявлений суверенного равенства является то, что каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств [20], в том числе и суверенное право, регулировать общественные отношения на своей территории.

Условия возникновения коллизионных норм МЧП.

Во-первых, развитие отношений физических лиц, находящихся под юрисдикцией разных субъектов. Тем не менее надо отметить, что это условие появилось еще в древнем мире, но его было недостаточно для появления науки о коллизионных нормах и соответствующих норм права. Только в средние века в период распада феодального строя с возникновением самостоятельных городов-государств на территории нынешней Италии появилась наука о коллизионных нормах. Объективные условия общественной формации в случае возникновения споров между людьми, находящимися под юрисдикцией разных субъектов, обусловили возможность задаться вопросом: право какого субъекта применимо в данном случае? Это условие в российской науке никем не оспаривается, наоборот, для многих авторов оно является достаточным, чтобы утверждать, что коллизионное право МЧП регулирует международные частные отношения, при этом игнорируя современное представление о МЧП как части внутригосударственного права, а не международного.

Во-вторых, признание и укрепление понятия «государственный суверенитет» и принципа суверенного равенства государств, что произошло на несколько веков позже появления первого условия. Именно это условие стало триггером появления внутригосударственных коллизионно-правовых норм, целью которых стало определение государства, право которого применяется к международным частным отношениям. Выбор применимого права приводил и приводит до сих пор к разрешению коллизий права разных государств. Связь между государственным суверенитетом (суверенным правом

государства регулировать общественные отношения на своей территории) и МЧП обусловила место последнего во внутригосударственной правовой системе.

Системность изучения правового явления основана на взаимодействии элементов рассматриваемой системы. Рассуждения о природе коллизионных норм МЧП невозможны только на основе влияния суверенитета на них, необходимо также рассмотреть влияние коллизионных норм на суверенитет. Это не делают специалисты в области международного частного права.

Коллизионные нормы – это правила определения применимого права к отношениям,отягощенным иностранным элементом. На их основе в качестве применимого может стать как российское, так и иностранное право. В большинстве случаев применимое право будет зависеть от личного закона субъектов правоотношения и/или места нахождения объекта правоотношений, и/или места события или действия, которые повлекли возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Другими словами, применение коллизионных норм может повлечь ситуацию, в которой на территории России к международным частным отношениям будет применяться иностранное право. Это правило действует на основе принципа формальной взаимности, который предполагает возможность применения норм иностранного права на территории России при условии применения права России на территории соответствующего государства. Из этого вытекает вывод о том, что коллизионные нормы ограничивают суверенное право государства регулировать частные отношения на своей территории в пользу иностранного права. В качестве контраргумента можно привести одностороннюю коллизионную норму, в которой к международным частным отношениям прямо определяется в качестве применимого российское право. Обсуждение этого аргумента не вписывается в тему данной работы, поскольку представляется, что такие нормы не являются коллизионными, а относятся к специальным общезакрепительным нормам.

Как следствие, нормы, ограничивающие суверенитет государства, не могут быть частными и иметь цивилистическую природу. Коллизионные нормы МЧП являются нормами публичного права. Взаимодействие с суверенитетом государства обуславливает их конституционно-правовую природу.

Норма, которая ограничивает суверенитет государства и на основе которой определяется применимое право, не может быть регулятивной. Для определения места коллизионных норм МЧП в системе правовых норм необходимо вспомнить научную дискуссию, которая активно велась российскими учеными во второй половине XX – в начале XXI в., о типичных и нетипичных НПП.

В современной юридической литературе часто вместе с понятием «правовая норма» употребляют термин «общеобязательное правило поведения», а также «нормативное правовое предписание». В доктринальной литературе можно увидеть много определений НПП, но практически во всех одинаково отражается его природа. Нормативное правовое предписание – элементарное, цельное, логически завершенное государственно-властное веление нормативного характера, непосредственно выраженное в тексте нормативно-правового акта [21]. Если в отношении характеристики нормативного правового предписания не было и нет особых расхождений в литературе, то в отношении его природы ситуация иная. В доктрине советской и российской науки существует два основных подхода к определению природы НПП. Одни авторы считают, что НПП – первичный элемент системы законодательства,

другие полагают, что НПП – первичный элемент системы права. Автор данной статьи согласен с последней позицией, которая поддерживалась С.С. Алексеевым [22].

С.С. Алексеев не делал различия между НПП и правовой нормой, и все положения нормативного акта рассматривал как источник (форму) правовой нормы [22, с. 32]. С этой точки зрения к правовой норме можно относить такие правовые явления, как принцип права, декларации, определения. На этом основании среди норм права (следовательно, и НПП) выделялись специализированные правовые нормы общего характера: общие закрепительные, декларативные и дефинитивные.

В.К. Бабаев также классифицировал правовые положения в качестве правовых норм и делил их на исходные (нормы-начала, определительно-установочные, нормы-принципы, нормы-дефиниции) и нормы – правила поведения [23, с. 45].

В.М. Горшенев делил НПП на типичные (правила поведения) и нетипичные. «Типичные НПП» как нормы права представляют собой правила поведения, обязательные для субъектов права; они закрепляют права, обязанности, запреты. «Нетипичные НПП» закрепляют принципы, дефиниции, общие правила [24].

Исходя из позиции вышеупомянутых авторов, все НПП можно разделить на две категории: НПП – правило поведения (регулятивные нормы); НПП – не определяющие правила поведения (специальные нормы). Представляется, что коллизионные нормы по своей природе являются нетипичными правовыми предписаниями, поскольку они не устанавливают правила поведения, права, обязанности или запреты. Они определяют случаи, когда на территории государства к отношениям (правоотношениям) может применяться иностранное право.

Если рассматривать коллизионные нормы в системе нетипичных правовых предписаний, то необходимо рассмотреть их основные функции.

Основная функция норм-принципов – системообразующая. Они обеспечивают внутреннюю упорядоченность и согласованность правовых норм. В Гражданском кодексе Российской Федерации к таким НПП можно отнести предписания ст. 1.

Основная функция норм-дефиниций – уточнение основных правовых понятий с целью обеспечения единообразного применения норм-правил поведения. В качестве примера таких НПП можно привести п. 1 ст. 48 «Понятие юридического лица», ст. 153 «Понятие сделки» Гражданского кодекса Российской Федерации.

Основной функцией общезакрепительных НПП является установление общих правил, относящихся к разным институтам права. Примером может служить п. 1 ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации, в котором устанавливаются источники права, на основе которых определяется применимое право к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо гражданско-правовым отношениям, осложненным иным иностранным элементом, в том числе в случаях, когда объект гражданских прав находится за границей.

Нормы-начала – нормы права, которые закрепляют устои существующего строя, основы общественных отношений. К таким нормам относится НПП ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации, определяющее форму Российской Федерации.

Нормы декларации лежат в основе определения правовой идеологии государства. К ним можно отнести нормы Конституции, провозглашающие права, свободы и определяющие обязанности граждан.

Из понятия и определения нормативных правовых предписаний становится очевидным, что коллизионные нормы МЧП являются самостоятельным видом нетипичных нормативных правовых предписаний, поскольку они имеют другие функции. Основной

из них является функция ограничения суверенного права государства регулировать и применять в случае необходимости нормы своего права в пользу иностранного права. Это дает основание выделить коллизионную норму как самостоятельный вид НПП.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Природа современных коллизионных норм МЧП определяется не только международной коммуникацией людей, но и взаимодействием между государственным суверенитетом и коллизионными нормами. По своей природе коллизионные нормы являются инструментом добровольного ограничения государством своего суверенного права регулировать международные частные отношения и применять нормы своего права на своей территории в пользу иностранного права.

2. Природа определяет системную принадлежность коллизионных норм МЧП. Они являются нормами внутригосударственного права, публичного права, институтом конституционного права наряду с иными конституционными коллизионными нормами.

3. Коллизионные нормы МЧП в силу своей природы являются самостоятельным видом нетипичных правовых предписаний (специальных норм права).

Такое определение природы коллизионных норм МЧП и их отраслевой принадлежности является новым в доктрине российского международного частного права. Эти выводы претендуют на создание новой теории международного частного права, что, непременно, повлечет особенности правоприменения, например применения оговорки о публичном порядке, признания обратной отсылки, признания решений иностранных решений судов и арбитражей и др.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 (от 30.11.1994; в ред. от 16.05.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/-e15c7183cf94d27b1e9927460669eebeacf15aae/
4. Солиев М.Н. О предпосылках зарождения и развития доктрины международного частного права // Вестник ТГУПБП. 2009. № 4 (40). С. 32–42.
5. Свирин Ю.А. О некоторых проблемах юридической природы международного частного права // Образование и право. 2023. № 11. С. 92–95.
6. Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права: сравнительное исследование правовых категорий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2004. 53 с.
7. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право: учебник. Москва: Юрайт, 2011. 521 с.
8. Международное частное право: учебник / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекашев, Г.К. Дмитриева [и др.]; отв. ред. Г.К. Дмитриева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ТК Велби, Проспект, 2006. 688 с.
9. Ларин А.Ю., Голубев Е.В. О возможности отнесения международного частного права к самостоятельной отрасли права // Образование и право. 2023. № 10. С. 153–157.
10. Попондопуло В.Ф. Международное частное право: природа и тенденции развития // Российский юридический журнал. 2018. № 2. С. 91–99.

11. Морева Р.Б. Природа и место международного частного права в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2007. 30 с.
12. Сенотрусова Е.М. О месте международного частного права в системе права // Искусство правоведения. The art of law. 2024. № 3. С. 30–35.
13. Гурьянова В.В. Проблемы определения понятия, структуры, особенностей и функционального назначения коллизионных норм национального права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). С. 33–39. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.72.11.033-039
14. Колобов Р.Ю. К вопросу о правовой норме в международном частном праве // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1. С. 35–41.
15. Алешина А.В. Коллизионные нормы как основа нормативного состава международного частного права // Журнал международного частного права. 2012. № 2 (76). С. 28–37.
16. Латыпова Н.С., Ямалетдинова Н.В. К вопросу о правовой природе коллизионного права // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3 (61). С. 64–72.
17. Носов С.И. Коллизионное право: проблемы институционализации // Социология власти. 2012. № 2. С. 72–82.
18. Власенко Н.А. Коллизионное право России: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 5–18.
19. Саямов Ю.Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3. С. 95–105.
20. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24.10.1970. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml
21. Апт Л.Ф. Формы выражения и изложения правовых норм в нормативных актах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Апт Людмила Фальковна. Москва, 1973. 16 с.
22. Алексеев С.С. Структура советского права // Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Специальные вопросы правоведения. Москва. 1975. С. 8–225.
23. Бабаев В.К. Формальная определенность и возможность формализации законодательства // Советское государство и право. 1978. № 4. С. 44–51.
24. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–118.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07.01.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. The Civil Code of the Russian Federation. Part 1 (dated 11.30.1994; as amended from 05.16.2023. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. The Family Code of the Russian Federation dated 12.29.1995 No. 223-FZ (as amended on 07.31.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/-e15c7183cf94d27b1e9927460669eebeacf15aae/
4. Soliev M.N. On the prerequisites for the origin and development of the doctrine of private international law. *Bulletin of the TSUPBP*. 2009; 4 (40): 32–42.
5. Svirin Yu. And About some problems of the legal nature of private international law. *Education and Law*. 2023; (11): 92–95.
6. Anufrieva L.P. Correlation of international public and international private law: a comparative study of legal categories: 12.00.03: autoref. dis. ... dr. jurid. sciences. Moscow; 2004. 53 p.

7. Belov V.A. Civil law. The general part. Volume 1. Introduction to Civil Law: textbook. Moscow: Yurait; 2011. 521 p.
8. International private law: studies / L.P. Anufrieva, K.A. Bekyashev, G.K. Dmitrieva and others; ed. by G.K. Dmitrieva. 2nd ed., reprint. and additional. Moscow: TK Velbi, Prospekt publishing House; 2006. 688 p
9. Larin A.Yu., Golubev E.V. On the possibility of attributing private international law to an independent branch of law. *Education and Law*. 2023; (10): 153–157.
10. Popondopulo V.F. International private law: nature and development trends. *Russian Law Journal*. 2018; (2): 91–99.
11. Moreva R.B. The nature and place of private international law in the legal system of the Russian Federation: abstract of the dis. ... cand. jurid. sciences. 12.00.03. Moscow; 2007. 30 p.
12. Cenotrusova E.M. On the place of private international law in the legal system. *The Art of Jurisprudence. The art of law*. 2024; (3): 30–35.
13. Guryanova V.V. Problems of defining the concept, structure, features and functional purpose of conflict of laws norms of national law. *Current problems of Russian law*. 2016; 11 (72): 33–39. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.72.11.033-039
14. Kolobov R.Yu. On the question of the legal norm in private international law. *Siberian Legal Bulletin*. 2005; (1): 35–41.
15. Alyoshina A.V. Conflict of laws norms as the basis of the normative composition of international private law. *Journal of International Private Law*. 2012; 2 (76): 28–37.
16. Latypova N.S. Yamaletdinova N.V. On the issue of the legal nature of conflict of laws. *The rule of law: theory and practice*. 2020; 3 (61): 64–72.
17. Nosov S.I. Conflict of laws: problems of institutionalization. *Sociology of power*. 2012; (2): 72–82.
18. Vlasenko N.A. Conflict of laws of Russia: state and prospects. *Journal of Russian Law*. 2017; (6): 5–18.
19. Sayamov Yu.N. The Westphalian world and its principles yesterday and today. *The Century of Globalization*. 2018; (3): 95–105.
20. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation between States in accordance with the Charter of the United Nations dated 10.24.1970. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml
21. Apt L.F. Forms of expression and presentation of legal norms in normative acts: abstract. ... cand. jurid. sciences: 12.00.01 / Apt Lyudmila Falkovna. Moscow; 1973 16 p.
22. Alekseev S.S. The structure of Soviet law. *Collected works in 10 vols. Vol. 2. Special issues of jurisprudence*. Moscow; 1975; 8–225.
23. Babaev V.K. Formal certainty and the possibility of formalization of legislation. *The Soviet State and law*. 1978; (4): 44–51.
24. Gorshenev V.M. Atypical normative prescriptions in law. *The Soviet State and law*. 1978; (3): 113–118.

Информация об авторе:

Литвинова Светлана Федоровна, канд. юрид. наук, доцент, доцент каф. гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, Svetlana.litvinova@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4079-3901>

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/073-083>

EDN: <https://elibrary.ru/TIZGXF>

Дата поступления:
25.07.2024

Одобрена после рецензирования:
05.08.2024

Принята к публикации:
16.08.2024